

*На полянах сердца – горький дух,
запах милый прелого листа.*

Д. Андреев

1

Задумаюсь о сроках, в них намёк,
что день мой короток, а темень ближе,
и что-то постоянно сердце движет –
вперёд идти сквозь непогодь и смог!

Молю: в пути бы выбранном помог
прорваться сквозь тенёту слов. Обижен
не буду я, пусть время камни лижет
и пыль струится бесперечь у ног.

Чем страшен миг, когда и твой черёд,
когда в потоке дней тебя сотрёт
светило утра, розовый обмылок?

Но ранней свежестью легко дышать,
и тем бы душу только не смущать,
что вечность тяжко дышит мне в затылок.

Что вечность тяжело дышит мне в затылок,
 узнаю ль в смертный час? Как он жесток
 и не помилует меня, тебя, браток,
 и тьму усилит в мороке остылом.

Зачем же строим планы, как стропила?
 Кому поверить вынужденный ток
 извечной мысли, знания росток,
 где и когда и что со мною было?

Не раз вопросом рвал я синь-канву
 и думал: с древа спелый плод сорву,
 а жизнь под гору радостно катилась.

В округе мир волнуется большой.
 День настаёт, и чувствую душой:
 земля под утро чуточку остыла.

Земля под утро чуточку остыла
 после грозы. И травы подросли.
 В тумане – призрак... Кажется, Кашлык...
 Покос торопит всех... И не забылось,

как лень вставать, сколь крепок сон мой милый!
 Вот кони фыркают, как бы нашли
 в соломе мышь... Свернул отец башлык.
 Чу! Звон литовок, говор легкокрылый...

А дождь бусит... Из памяти не вышло:
 предвидится весь день – тоскливо в мыслях –
 сушить сенцо, взбивая копнам бок...

В дорогу мне подушечку-конфетку...
Готов и хлеб, чуть теплится загнетка,
как в бездне звёздной малый камелёк.

4

Как в бездне звёздной малый камелёк,
так то мгновенье в памяти – из лета,
в котором сам я выгляжу атлетом,
и мир чудесен: в красках не поблёк.

Капелью неба светит василёк,
открытый ветру, солнцу и поэту!
Среди цветов не выискать ответа,
где есть ещё подобный огонёк.

Не солеросов важную осанку,
не бахрому под шляпкою поганки,
люблю воды колодезной глоток!

Улитой тянет и меня звезда,
чтобы иное в жизни повидать...
Познать миры – мечтою изнемог.

5

Познать миры – мечтою изнемог,
но вывел в детстве: буду звездочётом
и на земле, зелёном самолёте,
лелеять мирной жизни стебелёк!

Казалось бы, вот выну оселок,
волшебный он. И ждите! Не дождётесь.
Ведь люди обжились на небосводе,
туда их ветер странствия завлёл.

Лежать бы мне подолгу на траве –
пусть облака подходят к голове,
собака на цепи от скуки б выла...

Цветёт картошка – не до корабля!
Начну полоть... Будь чистою земля,
поддерживать её – хватает пыла.

6

Поддерживать её – хватает пыла:
подсолнух рядом, компас средь миров,
в мысу – боярышник, ценнее нет даров.
Моя душа его не позабыла.

Богато озеро! В нём столько ила!
Затягивает хрюшек и коров...
Для ребятни, для ветреных голов –
вода что щёлок, моются без мыла.

Невольно память душу холодит:
хотел глоток снежницы проглотить....
Весной простуда многих уносила.

Печальным часто был тому итог,
но вот судьбы разматывать виток –
в руках ещё достаточно есть силы.

7

В руках ещё достаточно есть силы –
поднять навильник, вывести стожок,
берёзки три связать на посошок
вершине дня, чтоб ветром не сносило.

Стоят стога, богатыри-верзилы.
И любо вновь войти вон в тот ложок —
литовкой душу тешить... Хорошо!
И слышит вязель ласковое «сыля»...

Полоской ровною ложится зелень.
А в думы льётся море, лодка, пелядь...
На вёсла бы! И мчатся, как чеглок!

Жжёт солнце лог. Опасен запах древний.
Забот полно крестьянину в деревне,
о том шумит родимый тополёк.

8

О том шумит родимый тополёк,
что не забыто, помнится бывшее,
когда кочевник впился в степь стрелою
и жизни срок неумолимо тёк.

На север тянется Оби холодный ток.
По ней шла Русь неведомое строить,
и сквозь тайгу меч прорывался с боем,
чтобы взошёл в бороздке ржи росток.

Здесь рос народ в земле без окон, стен,
и, озираясь, городил плетень,
ловя вдали в тяжёлых стягах лики.

Под ветра вой и бредень новостей
цвела моя барабинская степь:
незабываем пряный дух клубники!

Незабываем пряный дух клубники
среди околков и звериных троп,
где холм под солнцем греет бурый лоб,
а зонтик дягиля – дозорный некий.

Краснеет кустик зрелой костяники.
Чуть улыбнётся мыслям хлебороб,
когда шелушит выращенный боб.
Они на поле убранном возникли!

Кто знал печей петровых жаркий под,
тот не забудет выстраданный год
и трудодни, свинцовые вериги.

В погоду добрую зари тепло
в степи разлито. Видно, как в стекло,
в озёрах – сети, солнечные блики.

10

В озёрах – сети, солнечные блики.
Под вечер краски неба смягчены
приходом, наконец-то, тишины...
И травы к ночи нежит шар великий.

Душа взметнётся, коль начнут курлыкать
под осень журавли – от чьей вины?
Уймутся даже зайцы-драчуны,
когда падёт на землю голос дикий.

Знать, суждено и мне – в родном краю
любить полоску алую свою,
по солонцам – речушек тихих бег.

Спокойно озеро, не слышно плеска,
и только от заката – перелески
таятся в сумраке открытых век.

11

Таятся в сумраке открытых век
дни Барабы, в них солоно и сухо.
Свист сойки слышен, голубь стонет глухо.
Остановившись, иноземец рек:

«Бар! – воздух сладок, мягок лёгкий снег,
воды полно, камыш ласкает ухо,
сочна трава, звенит коровы брюхо,
босой ордынины приятен смех...»

Поймёт ли он сенца весёлый хруст,
когда день холоден и птицей пуст?
Полынный мир и кровохлёбкой дорог.

К тебе, ковыль, приду я на поклон,
и памятен мне будет испокон
типчак и клевер, маленький пригорок.

12

Типчак и клевер, маленький пригорок,
коней измученных тяжёлый дых...
Живёт во мне – заплесневелый жмых,
на хляби ржавой – выстроенный город...

Отбросив норы свой и глупость вздоров,
ничтожность слов и помыслов худых
и упредив грядущего ходы,
направим родине сухие взоры.

Там пухнет от дождей гнилая топь,
медлительна и величава Обь,
со звоном створы открывают оры.

Из Васюганья тянется вода.
Теплынь стоит, и с нею, как всегда,
над пашней пар, хлеб в радости и в горе.

13

Над пашней пар, хлеб в радости и в горе...
А память – и не выскоблить ножом,
не вычерпать синь дивную ковшом,
и плёс вдали, и окоём над морем.

Мы плачу журавлиному так вторим,
что маемся подолгу миражом,
великим светоносным рубежом,
и рвёмся с беспредельностью поспорить.

Отсюда в сердце ярость и поныне.
Седы виски. Жаль, и не тает иней.
Ушла романтика таёжных нег.

Но, пажити, ваш день благословенный
и тёплый дух зерна проникновенный
навек запомнит в детстве человек.

14

Навек запомнит в детстве человек
осинника прозрачные куртины,
на огороде – запах спелой дыни,
на озере – по волнам фейерверк.

Берёзу ищет вечно дровосек –
согреть свой дом из камыша и глины,
и тополь стонет, как былинный инок,
вздыхает о свободе грешник-зэк...

Есть многое, о чём я горько плачу,
но сердца жар для будущего трачу,
и тороплюсь: день Божий б не истёк.

Гудит ли ветер над лесным увалом,
или – то рокот рокового вала,
задумаясь о сроках, в них намёк.

15

Задумаясь о сроках, в них намёк,
что вечность тяжело дышит мне в затылок.
Земля под утро чуточку остыла,
как в бездне звёздной малый камелёк.

Познать миры – мечтою изнемог,
поддерживать её – хватает пыла,
в руках ещё достаточно есть силы,
о том шумит родимый тополёк.

Незабываем пряный дух клубники!
В озёрах – сети, солнечные блики
таятся в сумраке открытых век.

Типчак и клевер, маленький пригорок,
над пашней пар, хлеб в радости и в горе
навек запомнит в детстве человек.